На правах рукописи

Бровина Анна Викторовна

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

10.02.20 − сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2009

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Пестова Наталья Васильевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Пименов Евгений Александрович

кандидат филологических наук, доцент
Шабаева Марина Александровна

Ведущая организация: **Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия**

Защита состоится 25 сентября 2009 г. в 12 часов на заседании диссертационного совета Д 212.283.02 при ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» по адресу: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, ауд. 316.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном зале научной библиотеки Уральского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан 23 августа 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Н. А. Пирогов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена комплексному сопоставительному исследованию способов языкового выражения несобственно-прямой речи (далее – НПР) в немецком и русском языках на материале произведений австрийского писателя Франца Кафки (1883–1924) и их художественных переводов. Системные типологические исследования языковых явлений на примере двух и/или более языков являются одним из перспективных направлений в типологической и сопоставительной лингвистике и имеют большое практическое значение для сравнительной типологии языков.

Обращение к творчеству Ф. Кафки в качестве материала исследования обусловлено не только все возрастающим интересом к его творчеству со стороны философов, литературоведов, культурологов, лингвистов и просто читателей, но и совершенно специфическим функционированием исследуемого языкового явления в его художественном мире. Правомерность перенесения выводов относительно средств манифестации НПР в творчестве одного писателя на общую типологическую характеристику феномена в двух языках в сопоставительном аспекте обусловлена тем, что язык Ф. Кафки по частотности использования НПР и многообразию форм ее выражения является, по общему признанию кафковедов, не только репрезентативным, но и по-настоящему уникальным. Анализ феномена НПР в произведениях данного автора, а также в нескольких вариантах их художественного перевода показал, что эта форма речи в творчестве писателя является не просто формой речи, но «формой смысла», обладающей «сверхинформативностью» (Ю. Лотман), и в связи с этим она представляет для переводчика-интерпретатора значительную трудность.

На сегодняшний день НПР зафиксирована в художественных произведениях практически всех национальных литератур. Но в современном языкознании нет единого взгляда на сущность исследуемого феномена, он толкуется как «модификация прямой речи», «форма косвенной речи», «своеобразное смешение прямой и косвенной речи», «особый способ изложения содержания речи», «самостоятельный способ передачи речи» и т.д. Работа выполнена в русле междисциплинарных исследований, т.к. в ней предпринята попытка объединить в понимании НПР результаты отечественного и зарубежного литературоведения и особенно кафковедения, лингвистики текста, сопоставительного языкознания, а также теории и практики перевода произведений Ф. Кафки.

Актуальность сопоставительного исследования определяется отсутствием единого понимания НПР в современной науке и отсутствием системного типологического описания способов ее выражения в разных языках, а также наличием устойчивого интереса к функционированию данного явления в сфере художественной коммуникации и необходимостью углубленного изучения его специфики в произведениях Ф. Кафки.

Объектом исследования настоящей диссертации служит пережитая речь (erlebte Rede) в немецком языке и явление, носящее в русском языке название несобственно-прямой речи.

Предмет исследования составляют способы языковой манифестации данного явления в произведениях Ф. Кафки и в их переводах на русский язык.

Целью настоящего исследования является анализ и описание структуры и семантики НПР в немецком и русском языках и выявление её роли в воплощении художественно-эстетических смыслов литературных произведений.

Поставленной целью определяются следующие **задачи**:

- проблемный анализ научного понимания НПР в русистике и германистике;
- установление способов языковой реализации НПР на разных уровнях языковой системы (лексико-грамматическом, морфологическом, синтаксическом) в русском и немецком языках;
- обоснование использования НПР в творчестве Ф. Кафки не как формы речи, но как формы смысла;
- выявление и сопоставление способов манифестации НПР и ее функций в исследуемых художественных произведениях и в их переводах на русский язык.
- установление доминирующих способов языковой реализации НПР в немецком и русском художественном текстах.

Для решения конкретных задач исследования применялся комплекс **методов**, принятых в современной лингвистике: структурно-семантический, контекстуальный, лингвостатистический, сопоставительный, функциональный, описательный.

Материалом для исследования послужили текстовые фрагменты, содержащие НПР, извлеченные методом сплошной выборки из трех произведений Ф. Кафки – романа «Процесс», новелл «Приговор» и «Превращение» и их русских переводов Р. Райт-Ковалевой, С. Апта, Г. Ноткина и А. Махлиной. Всего было проанализировано 256 фраг-

ментов, включающих НПР, на немецком языке и соответствующие им фрагменты на русском языке. Общий объем проанализированного материала составляет 32,3 п. л.

Теоретико-методологическая база настоящего диссертационного исследования основывается на трудах таких отечественных и зарубежных языковедов, как В. В. Виноградов, М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, Н. Ю. Сахарова, А. А. Андриевская, К. А. Долинин, Г. Г. Инфантова, Л. А. Соколова, Е. Я. Кусько, А. В. Бондарко, Г. Я. Солганик, Р. О. Якобсон, Ш. Балли, H. Weinrich, M. Hennig, F. Stanzel и др. Кафковедение представлено трудами таких известных литературоведов и писателей, как Д. В. Затонский, В. Г. Зусман, В. Д. Днепров, М. Брод, Т. Адорно, А. Камю, А. В. Карельский, Т. Манн, Э. Канетти, Н. С. Павлова, И. П. Руденко, В. В. Набоков, А. В. Гулыга, Е. Ф. Книпович, Р. Ф. Яшенькина и др.

Научная новизна исследования заключается в системном сопоставительном описании средств языковой манифестации НПР и ее функций в немецком и русском языках, а также в том, что впервые методами лингвистического сопоставительного анализа исследуется важнейший смыслообразующий элемент поэтики одного из самых читаемых в мире авторов.

Теоретическая значимость заключается в сопоставительном анализе и описании системы способов языковой репрезентации НПР в немецком и русском языках, что является определенным вкладом в типологию указанных языков, а также в уточнении специфики НПР не только как формы речи, но и как формы смысла, т.е. в выявлении ее структурообразующей и смыслообразующей функций в художественном тексте.

Практическая ценность работы связана с тем, что произведения Ф. Кафки активно используются в обучении иностранному языку в ведущих языковых вузах страны, поэтому результаты исследования могут быть применены не только непосредственно в сравнительной типологии русского и немецкого языков, но и в практике преподавания немецкого языка, в лекционных курсах по стилистике, интерпретации текста, художественному анализу текста, в теории и практике перевода. Знание специфики НПР, форм ее языковой реализации, а также элементов авторского контекста, помогающих ее идентификации, необходимы любому читателю для адекватной интерпретации художественного произведения, а переводчику – для нахождения соответствующих эквивалентов в переводном языке.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. НПР – особый вид повествования, заключающийся в смещении/совмещении/скрещивании субъектных планов автора и персонажа, каждый из которых при этом теряет отчасти свои особенности, в результате чего создается новое явление, обладающее *сверх/гиперинформативностью*, т. е. наличием в НПР скрытых, имплицитно выраженных смыслов, значений, дополнительной информации, образующих подтекст.
2. Частотный и контекстуальный анализ НПР в произведениях Ф. Кафки показал, что конструкции с НПР в художественном тексте не просто составляют почти пятую часть всего произведения, но являются одним из уровней его специфической поэтики «смешения», «формой смысла».
3. Художественно-эстетическая значимость НПР базируется на ее ведущих функциях: *структурообразующей* и *смыслообразующей*.
4. Сопоставление немецких и русских фрагментов с НПР позволило выявить определяющие лингвистические признаки немецкой и русской НПР – изменения/смещения темпорального плана; изменения/смещения субъектно-модального плана; изменения/смещения аспектуально-видового плана; изменения/смещения персонального плана; лексические средства; синтаксические особенности. Основные уровни, выделяющие НПР на фоне авторского повествования, – грамматико-морфологический и лексический.
5. При выявлении доминирующих способов языковой реализации НПР в немецком и русском художественном текстах было установлено, что в немецких конструкциях преобладает грамматический признак в основном за счет многочленных оппозиций грамматических категорий времени (шесть противочленов) и наклонения (восемь противочленов) немецкого глагола, представляющих большие возможности для реализации НПР. В русском языке при отсутствии богатства форм категории времени и наклонения глагольная парадигма частично компенсируется грамматической категорией вида глагола, которой реализуются дополнительные и переносные значения. В русском языке при манифестации НПР явно доминирует лексический признак.

Апробация материалов исследования проходила при обсуждении основных положений диссертации на заседании кафедры немецкой филологии Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург, 2009г.), на заседании кафедры иностранных языков Югорского государственного университета (Ханты-Мансийск, 2009 г.). Результаты исследования были представлены на научных конференциях различного уровня: межрегиональных, общероссийских и международных в Екатеринбурге, Челябинске, Перми, Йошкар-Оле, Шадринске. По теме диссертации опубликовано 12 работ, в том числе одна статья в издании, включенном в реестр ВАК МОиН РФ.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, двух глав, выводов к главам, заключения, библиографического списка, списка словарей и энциклопедий, списка литературных источников исследования и приложений. Объем диссертации составляет 214 страниц, основной текст диссертации изложен на 165 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, определяются объект, предмет и методы исследования, его цель и задачи, характеризуются научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Исследование дискуссионного характера несобственно-прямой речи в трудах зарубежных и отечественных филологов» изложены основные этапы исследования феномена НПР с позиций отечественных и зарубежных ученых, а также современное состояние исследований в области НПР, ее место в системе способов передачи чужой речи, маркеры и соотношение со смежными феноменами. Особое внимание уделяется различным точкам зрения по вопросам применения и распространения НПР в художественном тексте.

Первый параграф *«Проблема несобственно-прямой речи в освещении западноевропейской филологии»* посвящен изучению НПР с позиций французских, немецких и английских филологов. В работе проводится анализ исследований НПР в западноевропейской науке, начиная с XIX века, сопровождающихся постоянной дискуссией. НПР в современных лингвистике и литературоведении не имеет однозначного толкования. Являясь одним из типов передачи чужого высказывания, она имеет обширную и полемическую историю изучения. Впервые в зарубежной литературе на явление НПР обратил внимание

в 1894 г. А. Тоблер, в 1912 г. Ш. Балли увидел в НПР не просто «лингвистическую форму», а «фигуру мысли», т.е. новый способ восприятия и воспроизведения чужого высказывания. Положения Ш. Балли вызвали вокруг явления НПР оживленную полемику, в которую включились романисты-грамматисты – А. Тоблер, Т. Калепки, Е. Лорк (последним был введен термин «пережитая речь») и германисты – Э. Гердин, Е. Лерх, О. Вальцер. Новаторами в области НПР в англистике можно назвать австрийца Ф. Карпфа и швейцарца О. Функе. Но споры касались лишь отдельных характеристик НПР и не охватывали явление в целом. Идеи Ш. Балли, получившие убедительное подтверждение и дальнейшее развитие в трудах отечественных филологов, в рамках поставленных нами задач являются наиболее значимыми для определения теоретико-методологической базы настоящего исследования, поскольку определение НПР как «фигуры мысли» или «фигуры мышления» оказывается актуальным и продуктивным для анализа художественной системы Ф. Кафки.

Во втором параграфе *«Традиции рассмотрения несобственно-прямой речи в отечественной филологии»* описываются основные положения и позиции отечественных русистов и германистов в отношении исследуемого феномена, во взглядах на НПР которых также существуют как точки схождения, так и расхождения. В советском языкознании постановка проблем, связанных с НПР, относится к 1930-м гг. и связана с деятельностью М. М. Бахтина и В. В. Виноградова. Именно они заложили основы широкого филологического подхода к данному явлению, выделили основные характеристики НПР, суммировали накопленные знания о языковой и речевой природе НПР и обозначили ее художественную специфику. В последующие годы интерес к НПР то угасал, то снова возобновлялся, что было связано с развитием не только науки о языке и литературе, но и общества в целом, и это развитие находило отражение в научной и художественной картинах мира. Пристальное изучение НПР лингвистами и литературоведами начинается с 1950-х гг., проблематика научного исследования НПР становится более обширной, что послужило причиной возникновения не только многочисленных терминов, но и причиной споров ученых по вопросам сущности, категориального аппарата, признаков НПР. На наш взгляд, наиболее объективной интерпретацией является характеристика НПР как особого вида повествования, совмещающего речевые планы автора и персонажа, каждый из которых при этом теряет частично свою специфику, речь осуществляется от лица

автора, а общее содержание высказывания принадлежит персонажу, в результате чего создается новое явление, несущее в себе разноплановые характеристики. Мы считаем правомерным рассмотрение сущности исследуемого явления одновременно через сопоставление с прямой и косвенной речью и с речью автора и персонажа. Двуплановость в НПР проявляется на семантическом и грамматическом уровнях. В *семантическом плане* в НПР речь принадлежит автору, но включает в себя элементы прямой речи персонажей, отсюда и термин «несобственно-прямая речь», закрепившийся в русском языке; «прямая» речь персонажей является «несобственной», поскольку включена в авторскую речь. В результате происходит некий сплав голоса автора и персонажа, но нередко субъектный план автора и героя оказываются трудно различимыми, поскольку точки зрения совмещены. Некоторые исследователи учитывают также степень участия/преобладания голосов: либо автор говорит от лица героев, либо преобладает голос персонажа, либо говорят оба одновременно. Мы полагаем, что в НПР всегда говорят и автор, и герой, но интенсивность звучания голосов в разных текстовых фрагментах будет различной в зависимости от интенций автора, его намерений. Таким образом, присутствие в НПР речи двух голосов обязательно. *Грамматическая двуплановость* НПР определена в диссертации как смещения персонального, темпорального, аспектуально-видового, субъектно-модального планов.

В параграфе проанализированы также точки зрения некоторых языковедов на распространение НПР в таких функциональных стилях языка, как деловой, научный, разговорный. Например, функционированием НПР в публицистике занимается Г. Я. Солганик; особенности НПР в милицейских протоколах, в устном речевом общении отмечает М. Н. Нестеров.

В третьем параграфе *«Несобственно-прямая речь в системе способов передачи чужой речи и ее маркеры»* рассмотрены другие способы передачи чужой речи в сопоставлении с НПР, ее границы и признаки, отличающие или сближающие ее с прямой и косвенной речью. В структуре НПР можно выделить черты как прямой речи, соотносимой с планом персонажа, так и косвенной речи, соотносимой с планом автора, но она обладает рядом преимуществ перед двумя способами передачи речи. Установлено, что текстовая интерференция (М. М. Бахтин, В. Шмид) – главное семантическое свойство НПР, выделяющее ее среди способов передачи чужой речи. Сплав/соединение/совмещение речевых актов повествователя и персо-

нажа делает НПР незаменимым средством воссоздания речемыслительной деятельности персонажа.

Четвертый параграф ***«Соотношение несобственно-прямой речи со смежными феноменами»*** содержит общие и отличительные черты таких лингвистических явлений, как внутренний монолог (далее – ВМ) и НПР, которые в научной и справочной литературе то отождествляются, то противопоставляются, то рассматриваются как разновидности друг друга. Это связано с тем, что данный феномен в недостаточной степени исследован, несмотря на его широкое применение в художественной литературе. ВМ, как и НПР, являются категориями лингвистическими и литературоведческими. Разногласия в подходе к данному явлению объясняются отсутствием единого сущностного критерия/критериев в изучении ВМ. Разделяя точку зрения сторонников контаминированной речи в отношении НПР, мы считаем, что НПР и ВМ – это явления разного порядка, обладающие различной семантикой, каждое из которых имеет свои аутентичные свойства при их некотором сходстве. ВМ – это, прежде всего, литературно-художественный прием для передачи внутренней речи персонажа, который отличается от НПР рядом установленных в работе конститутивных признаков: 1-е, иногда 2-е лицо, презентные формы глаголов; конструкции, содержащие ВМ, отличаются длительностью и продолжительностью; ВМ останавливает развитие сюжета, действие возобновляется в той точке, где было прервано ВМ. Общие и отличительные признаки исследуемых нами явлений проанализированы с литературоведческой, психологической и лингвистической точек зрения и представлены в таблице 1:

Таблица 1.

Общие и отличительные признаки ВМ и НПР		
Общие признаки	Отличительные признаки	
ВМ и НПР	ВМ	НПР
С литературоведческой точки зрения		
1)литературно-художественный прием; 2) контаминация речи автора и персонажа; 3) наличие «сопереживания»	прием техники повествования	общеязыковое явление
С психологической точки зрения		
выражают внутренний мир персонажа	1) передает внутреннюю речь персонажа; 2) останавливает развитие сюжета;	1) передает как внешнюю/произнесенную речь персонажа, так и внутреннюю/скрытую

	3) при исключении из общего повествования последовательность событий не нарушается.	речь персонажа.
С лингвистической точки зрения		
наличие экспрессивного синтаксиса	1) перспектива 1-го лица; 2) формы настоящего времени глаголов; 3) продолжительность, сложные развернутые высказывания.	1) перспектива 3-го лица; 2) формы прошедшего времени глаголов; 3) как продолжительные, так и краткие структуры.

Вторая глава «Средства манифестации несобственно-прямой речи в немецком и русском языках» посвящена выявлению и сопоставлению способов демаркации НПР в художественных произведениях Ф. Кафки и в их переводах на русский язык и комплексному анализу языковых средств манифестации НПР в немецком и русском языках. Количественный метод позволил выявить частотность употребления НПР в художественном тексте – конструкции с НПР занимают почти пятую часть всего произведения и, следовательно, являются высокочастотными, что обусловливает причину выбора данных художественных произведений для анализа и обеспечивает достоверность выводов. Исследование позволило установить доминирующие способы языковой реализации НПР в русском и немецком языках на примере анализируемых художественных текстов. В главе на примере произведений Ф. Кафки дано обоснование, что данная форма может представлять собой не просто форму речи, но быть «формой смысла» (термин Н. С. Павловой). На основе интерпретации многочисленных фрагментов указанных произведений в основном тексте диссертации и в приложениях показано, как НПР переходит с формально-грамматического уровня текста в различные смысловые сферы произведения (этический, мировоззренческий, художественно-эстетический уровень) и выполняет несколько важнейших текстообразующих функций.

Первый параграф состоит из трех разделов. Первый раздел ***«Несобственно-прямая речь как одна из форм манифестации концепта «смешение»*** посвящен изучению творчества Ф. Кафки с позиций *принципа смешения,* который пронизывает все творчество писателя по вертикали и горизонтали. Специфику творчества Ф. Кафки, неоднократно отмеченную многими исследователями, составляют несколько концептов, системообразующим среди которых признан концепт

«смешение», включающий в себя разные уровни: семантику неопределенности; разыменовение или смешение имен; «двулинейность», или «двусмысленность», как нерасчленимое сплетение голосов героя и автора/повествователя (несобственно-прямая речь); порождение специфических кафкианских «кентавров» и «киборгов»: человек – животное (насекомое), человек – машина, душа – отчужденное тело, машинерия власти; неразличимость как очеловечивание / анимализация или овеществление / опредмечивание духовного. Установлено, что НПР входит в концепт «смешение» Ф. Кафки в качестве одной из ведущих текстовых категорий.

Во втором разделе ***«Смыслообразующая и структурообразующая функции несобственно-прямой речи»*** рассматриваются виды информации художественного текста, сверх / гиперинформативность (Ю. Лотман) НПР в произведениях Ф. Кафки, а также смыслообразующая и структурообразующая функции НПР. Скрытые смыслы, имплицитно выраженные в НПР, образуют мощный, эстетически значимый подтекст, и задача читателя, а также переводчика – снять гиперинформацию, заключенную в НПР, проинтерпретировать ее, соотнеся с широким филологическим контекстом, и, по возможности, максимально глубоко понять скрытые дополнительные смыслы, которые автор зашифровал в высказывании с НПР. Так, в новелле «Приговор» сложное переплетение смыслообразующей и структурообразующей функций НПР в значительной степени влияют на многообразие интерпретаторских решений и схем анализа новеллы. Структурообразующая функция НПР сказывается в особом рамочном построении произведения, которое обеспечивает такой принцип, как «новелла в новелле». Повествование начинается с описания неких «реальных» событий: времени года, суток, природы, места действия; в финале голос автора вновь возвращает читателя к той же картине. При описании этих фактов действительности Ф. Кафка использует только авторскую и прямую речь. Эти «реалистичные» зачин и концовка, маркированные полным отсутствием НПР, составляют яркий контраст тому, что разворачивается внутри этого обрамления. Граница, проходящая между повествованием без НПР и повествованием в форме НПР, является одновременно границей между «понятным» и «непонятным», «очевидным» и «кажущимся». От описания внешних событий автор переходит к описанию внутреннего, субъективного мира персонажа, излагаемого преимущественно в НПР, и этот мир представляет собой ряд противоречивых фактов и событий, которые, как правило, приводят

неискушенного читателя в полное замешательство. НПР становится языковым маркером некой «неповествуемости» (В. Г. Зусман), она позволяет «говорить» недомолвками, намеками, загадками, аллюзиями, в полном объеме реализуя свою потенциальную гиперинформативность и символичность. Смыслообразующая функция НПР в этой новелле проявляется в своем обратном воздействии, а именно в том, что она уводит этот смысл от быстрого и легкого понимания.

В новелле «Превращение», в которой герой Грегор Замза превращается в некое насекомообразное существо, смыслообразующая функция НПР заключается в языковой (грамматической) манифестации метаморфозы: «Грегор-человек» – «Грегор-нечеловек», в передаче в особой форме речи его душевного состояния, переживаний, беспокойств и в постепенном исчезновении этого внутреннего человеческого плана вместе с исчезновением НПР. Структурообразующая функция НПР этой новеллы проявляется в двух аспектах. Во-первых, степень ее более или менее высокой концентрации задает внутреннюю динамику повествования: в ее доминировании в начале (когда Грегор не только думает, но и ведет себя еще как человек), в постепенном уменьшении ее доли и в полном исчезновении к концу новеллы просматривается весь драматизм ситуации, обернувшийся победой «оно» («es») над человеком, тихим угасанием сознания, а вместе с ним и самой жизни Грегора. Во-вторых, наличие НПР структурирует новеллу таким образом, что она четко поляризует мир духовности, труда, ответственности и мир, паразитирующий за счет первого.

В третьем разделе *«Перевод художественного произведения как самостоятельный художественный текст»* проанализированы такие необходимые для исследования категории переводоведения, как «переводимость», «адекватность», «эквивалентность», «система языка», «языковая норма», «речевая норма». Но в задачи исследования не входила оценка качества перевода или установление степени его эквивалентности/адекватности. Так как в русских переводах доля НПР была столь же высока и обе функции НПР, выполняемые ею в оригинальном тексте, были полностью сохранены и, следовательно, прагматическое и эстетическое воздействие на читателя было аналогичным, то русские переводы рассматривались нами как самостоятельные художественные произведения, а не как вторичный текст. При этом, разумеется, учитывалось, что перевод НПР на русский язык не всегда эквивалентен, что объясняется различиями в языковых системах немецкого и русского языков и отсутствием изоморфизма в языковом

выражении одних и тех же значений. Мы ориентировались на теории известных переводоведов и переводчиков о прагматической и эстетической адекватности, а также о концептуальной адекватности переводного художественного текста (Т. А. Казакова). Исследование показало, что как в немецком, так и в русском текстах НПР организуется совместными усилиями лексики, морфологии, синтаксиса. Языковой вклад каждого из языковых уровней различен для разных текстовых фрагментов/комплексов/предложений с НПР. Как правило, в отдельно взятом предложении доминирует один из уровней грамматической системы, остальные поддерживают его.

В нескольких разделах **второго параграфа** и **в третьем** и **четвертом параграфах** рассмотрены признаки, характерные для немецких и русских фрагментов, включающих НПР, извлеченные методом сплошной выборки из трех произведений Ф. Кафки и их художественных переводов:

1. Изменения/смещения персонального плана / Personenumstellung;
2. Изменения/смещения темпорального плана / Tempusverschiebung;
3. Изменения/смещения субъектно-модального плана / Subjekt– und Modalitätverschiebung;
4. Изменения/смещения аспектуально-видового плана / Aspektualitätverschiebung;
5. Лексические средства / Lexikalische Mittel;
6. Синтаксические особенности / Syntaktische Besonderheiten.

В разделе *«Изменения/смещения персонального плана»* представлено сопоставление на уровне грамматической категории лица, являющейся ядром поля персональности, манифестируемой в личных местоимениях и глагольных формах. Сопоставление показало, что она особым образом проявляет себя в НПР, характеризуется смещением употребления имени героя в авторской речи к личным местоимениям в НПР, т. е. сменой персонального речевого плана. Употребление в НПР личных и притяжательных местоимений может рассматриваться как с точки зрения героя, так и с точки зрения автора. Сдвиг в оформлении и обозначении лица – отличительная особенность немецкой и русской НПР, при этом в употреблении лица мы не наблюдаем между языками различий, поскольку личные местоимения, например, первого и второго лица являются абсолютными грамматическими универсалиями обоих языков. Например,

«*Und warum weinte sie denn? Weil er nicht aufstand und den Prokuristen nicht hereinließ, weil er in Gefahr war, den Posten zu verlieren, und weil dann der*

Chef die Eltern mit den alten Forderungen wieder verfolgen würde?» (Die Verwandlung, S. 17)

«*А почему она плакала? Потому что он не вставал и не впускал управляющего, потому что он рисковал потерять место и потому что тогда хозяин снова стал бы преследовать родителей старыми требованиями*». (Превращение, пер. С. Апта, с. 114)

В данных примерах местоимение er/он мы можем заменить на ich/я, но употребление 3-го лица указывает на то, что высказывание принадлежит в одно и то же время и говорящему и воспроизводящему, т.е. герою и автору.

Исключение составляет неопределенно-личное местоимение «man», которое утрачивает свою неопределенно-личную семантику в комплексах с НПР, становится определенно-личным эквивалентом к er/он и соотносится с главным героем. Из контекста и ситуации становится ясно, что производителем действия является конкретный единичный субъект.

В разделе *«Изменения/смещения темпорального плана»* анализ фрагментов с НПР на уровне смены временного плана показал, что для немецкой и русской НПР с точки зрения временных значений НПР, выделяющих ее на фоне авторского повествования, характерна смена временного плана, ср.:

«Der Entschluß, seine Verteidigung selbst in die Hand zu nehmen, stellte sich ihm nun als schwerwiegender dar, als er ursprünglich angenommen hatte. … *Wie sollte es aber später werden? Was für Tage standen ihm bevor! Würde er den Weg finden, der durch alles hindurch zum guten Ende führte? Bedeutete nicht eine sorgfältige Verteidigung – und alles andere war sinnlos – bedeutete nicht eine sorgfältige Verteidigung gleichzeitig die Notwendigkeit sich von allem andern möglichst abzuschließen? Würde er das glücklich überstehn?»* (Der Prozess, S. 98)

В данном фрагменте на фоне претеритального авторского контекста (stellte sich) появляется НПР в виде вопросительных и восклицательных предложений, имитирующих динамику мыслей персонажа, в которой временная форма глаголов – претерит (sollte… werden, standen, bedeutete и т.д.) и кондиционалис I (würde… finden, würde… überstehn), на футуральность указывают лексические средства (später/позднее, Tage bevor/предстоящие дни, zum guten Ende führte/привести к чему-либо хорошему).

Во фрагменте на русском языке: «Решение взять свою защиту в собственные руки теперь казалось ему гораздо более ответственным, чем он предполагал сначала. … *Что же будет дальше? Какие дни предстоят ему? Найдет ли он путь, который приведет его к благополучному исходу? Не вызовет ли тщательно продуманное ведение защиты - а иначе все было бы ли-*

шено смысла, - не вызовет ли такая защита необходимости отключиться, насколько возможно, от всякой другой работы? Сможет ли он благополучно пройти через это?» (Процесс, пер. Р. Райт-Ковалевой, с. 149) НПР выделяется на фоне нейтрального авторского повествования рядом вопросительных предложений с модальной окраской глаголов в форме будущего времени (будет, предстоят, найдет, приведет и т.д.).

Анализ фрагментов показал, что смена временного плана является также основным конститутивным признаком немецкой и русской НПР, позволяет установить границы передаваемой точки зрения героя, но шире представлена в немецком языке, что обусловлено уровнем языковых структур двух языков и их типологическим несходством. Типологическое сопоставление немецкой и русской временных систем представляет собой сложную картину. Системные межъязыковые различия темпоральных парадигм влекут различия в манифестации и интерпретации НПР. В русском языке временной план первоначального высказывания может не претерпевать в НПР формальных изменений и соответствовать фактическому временному содержанию глагольных форм, но сдвиг времени в большинстве случаев характерен. Для немецкой НПР наиболее типичны следующие грамматические формы для выражения действия в прошедшем, настоящем или будущем времени:

Таблица 2.

Tempus	**Семантика времени**
Претерит индикатив	Настоящее время Будущее время
Презенс индикатив	Настоящее время Будущее время
Плюсквамперфект индикатив	Прошедшее время
Кондиционалис I, II	Будущее время

Смещение темпорального плана позволяет говорить о наиболее интенсивном смешении перспектив автора и персонажа в немецкой НПР. Отсутствие в русской НПР строгого распределения глагольных форм по темпоральным ступеням не влечет изменения формы передачи речи, различия данных типов временной системы реализуются за счет видовых оттенков и средствами контекста (лексические средства, синтаксические особенности).

Раздел *«Изменения/смещения аспектуально-видового плана»* обращен к анализу категории аспектуальности, которая по-разному представлена в исследуемых языках. Грамматическая категория вида в

русском языке имеет дополнительные/переносные значения форм времени, которые компенсирует меньшее (по сравнению с немецким языком) количество глагольных форм времени. Соотношение представлено в таблице 3:

Таблица № 3.

Видовременная форма глагола в русском языке (переносное употребление)	**Семантика времени русской НПР**	**Семантика времени немецкой НПР**
Форма настоящего времени несовершенного вида	Прошедшее время Будущее время «Эпическое настоящее»	Настоящее время
Форма прошедшего времени несовершенного вида	Предстоящее действие в плане прошлого	Прошедшее время
Форма прошедшего времени совершенного вида	Будущее время	Будущее время
Форма совершенного вида будущего времени	Прошедшее время	Прошедшее время

Грамматическая категория вида в русском языке представляет собой самостоятельную грамматическую категорию глагольной словоформы, представленную в виде оппозиции совершенного и несовершенного вида, при тесном взаимодействии с системой настоящего прошедшего и будущего времени глагола влияет на распространение дополнительных переносных значений форм времени и компенсирует меньшее количество, по сравнению с немецким языком, глагольных времён. Например, в следующем фрагменте глаголы «живет», «царит», «смеет» употребляются в функции «эпического настоящего» несовершенного вида. Ср.: «*Кто же эти люди? О чем они говорят? Из какого они ведомства? Ведь К. живет в правовом государстве, всюду царит мир, все законы незыблемы, кто же смеет нападать на него в его собственном жилище?*» (Процесс, пер. Р. Райт-Ковалевой, с. 8) Настоящее несовершенного вида выступает в контексте без лексических и грамматических показателей временных планов прошлого или будущего, но по своему содержанию повествование воспринимается как повествование о прошлых событиях. В немецком варианте временная форма глаголов – претерит с презентной семантикой: «*Was waren denn das für Menschen? Wovon sprachen sie? Welcher Behörde gehörten sie an? K. lebte doch in einem Rechtsstaat, überall herrschte Friede, alle Gesetze bestanden aufrecht, wer wagte ihn in seiner Wohnung zu überfallen?*» (Der Prozess, S. 9) Ввиду отсутствия категории вида немецкого глагола мы можем определить только способ действия глагола.

Видовые возможности распространения дополнительных оттенков значений в русской НПР дают такие же разнообразные возможности, как время и наклонение в манифестации немецкой НПР.

В разделе «Изменения/смещения субъектно-модального плана» проведен анализ фрагментов, включающих модальные слова, конструкции с модальными глаголами, конъюнктивные формы глагола. Интерпретация фрагментов показала, что наибольшие различия касаются конъюнктива/сослагательного наклонения и употребления модальных глаголов, поскольку для русского языка не характерна строго структурированная система модальных глаголов, обладающая в немецком языке широким набором значений, функций и признаков. В следующем фрагменте НПР Грегор Замза задает вопрос, адресованный самому себе. Модальный глагол sollen в сочетании с инфинитивом (I или II) выражает предположение (неуверенность) героя: «*Sollte der Wecker nicht geläutet haben*?» (Die Verwandlung, S. 9)

В переводе данного вопроса и всех подобных с модальным глаголом sollen используется частица «неужели», которая передает неуверенное предположение. Ср.: «*Неужели будильник не звонил?*» (Превращение, пер. С. Апта, с. 107)

В употреблении модальных слов расхождения касаются оттенков значений степени выражения уверенности, неуверенности, сомнения, предположения. Например, в следующем фрагменте модальные слова «gewiß», «wahrscheinlich», «vielleicht» передают точку зрения героя, переводят в сферу речи героя ближайший контекст, играют важную роль при выделении НПР: «*Und der Direktor? Gewiß er war K. gut gesinnt und er hätte wahrscheinlich, sobald er vom Prozeß erfahren hätte, soweit es an ihm lag, manche Erleichterungen für K. schaffen wollen, aber er wäre damit gewiß nicht durchgedrungen, denn er unterlag jetzt, da das Gegengewicht das K. bisher gebildet hatte, schwächer zu werden anfing, immer mehr dem Einfluß des Direktor-Stellvertreters, der außerdem auch den leidenden Zustand des Direktors zur Stärkung der eigenen Macht ausnützte. Was hatte also K. zu erhoffen? Vielleicht schwächte er durch solche Überlegungen seine Widerstandskraft, aber es war doch auch notwendig, sich selbst nicht zu täuschen und alles so klar zu sehn, als es augenblicklich möglich war».* (Der Prozess, S. 98)

Во фрагменте на русском языке степень уверенности, вероятности, предположения в некоторых моментах различна: «*А сам директор? Да, конечно, он хорошо относится к К., и если бы он узнал о процессе, то сейчас же сделал бы все от него зависящее, чтобы внести какие-то облегчения для К., но ему это вряд ли удалось бы, потому что теперь, когда К. почти перестал противодействовать влиянию заместителя это влияние усилилось, причем заместитель для укрепления своей власти использовал болезненное*

состояние самого директора. На что же К. мог надеяться? Может быть, от этих мыслей сила сопротивления в нем понижалась, но, с другой стороны, нельзя обманывать себя, надо все предвидеть, все, насколько это возможно в данную минуту». (Процесс, пер. Р. Райт-Ковалевой, с. 149)

Так, немецкий вариант звучит как «er hätte wahrscheinlich … manche Erleichterungen für K. schaffen wollen» (он, вероятно, создал бы для К. некоторые лучшие условия/облегчения – *пер.наш*), а в русском варианте степень уверенности высказывания очень высокая: «он … сейчас же сделал бы все от него зависящее, чтобы внести какие-то облегчения для К.» или наоборот, в немецком варианте – «aber er wäre damit gewiß nicht durchgedrungen» (но он, конечно, бы с этим не справился – *пер.наш*) более высокая степень уверенности, а в русском низкая – «но ему это вряд ли удалось бы», переводчик использует разговорную частицу «вряд ли», передающую значение сомнения в достоверности высказываемого.

Несмотря на различия, связанные со значением и степенью выраженности уверенности/неуверенности модальных слов, общая модальность высказывания меняется во фрагментах с НПР на фоне авторского повествования. Необходимо также отметить, что в исследуемых комплексах модальные слова не могут быть исключены из контекста, так как, во-первых, станет неясна форма времени глаголов в составе НПР, во-вторых, модальные слова являются несомненным средством переключения повествования в сферу мыслей героя. Чтобы восстановить прежнее значение, придется либо изменить порядок слов, либо ввести другие (опять-таки с модальным значением) слова.

Парадигма временных форм немецкого конъюнктива еще более контрастирует с парадигмой русского сослагательного наклонения. Во-первых, немецкий конъюнктив не только сохраняет все шесть времен, присущих индикативу, но и имеет две дополнительные синонимичные формы кондиционалиса, что расширяет его парадигму до восьми форм. Во-вторых, с помощью конъюнктива в немецком языке можно передать:

1) нереальное желание (Irrealer Wunschsatz): «*Wäre doch die Schwester hier gewesen!*» (Die Verwandlung, S. 25) / «*Ах, если бы сестра не ушла!*» (Превращение, пер. С. Апта, с. 122)

2) нереальное условие в сложноподчиненном предложении (Irrealer Konditionalsatz): «*Würden sie erschrecken, dann hatte Gregor keine Verantwortung mehr und konnte ruhig sein*». (Die Verwandlung, S. 19) / «*Если они испугаются, значит, с Грегора уже снята ответственность и он может быть спокоен*». (Превращение, пер. С. Апта, с. 117)

3) нереальное сравнение (Irrealer Komparativsatz): «*Er wäre gewiß nicht viel später auch ohne Störung erwacht, denn er fühlte sich genügend ausgeruht und ausgeschlafen, doch schien es ihm, als hätte ihn ein flüchtiger Schritt und ein vorsichtiges Schließen der zum Vorzimmer führenden Tür geweckt».* (Die Verwandlung, S. 29) / «*Если бы его и не побеспокоили, он все равно проснулся бы ненамного позднее, так как чувствовал себя достаточно отдохнувшим и выспавшимся, но ему показалось, что разбудили его чьи-то легкие шаги и звук осторожно запираемой двери, выходившей в переднюю*». (Превращение, пер. С. Апта, с. 126)

В-третьих, ирреальная модальность немецкого конъюнктива связана с категорией времени, т.е. по его форме можно определить время действия или события. Русский конъюнктив с частицей *бы*, при отсутствии лексических показателей смены временного плана, формально передает только прошедшее время, в результате чего темпоральную семантику русского сослагательного наклонения можно охарактеризовать как недифференцированную, в то время как немецкий конъюнктив обладает в сфере выражения времени семантически значимыми различиями, которые связаны с его функционированием. Немецкая НПР, выраженная посредством смещения/сдвига субъективно-модального речевого плана, демонстрирует более широкий спектр формальных возможностей и тем самым наличие большего числа маркеров явления, позволяющих довольно точно дифференцировать НПР. Вкупе с грамматической категорией времени категория наклонения немецкого языка представляет собой более богатый морфологический арсенал средств языковой манифестации НПР, чем в русском языке.

В третьем параграфе *«Лексические средства»* рассматриваются и анализируются лексические средства в комплексах, содержащих НПР на немецком и русском языках, которые по своему значению или стилистической окраске позволяют узнавать НПР, выделять ее на фоне авторского повествования. Такие средства представлены широко, но их объем и наполнение в некоторых случаях не одинаков. Так, в ряде случаев примеры на русском языке отличаются наслоением лексических средств, например, модальных слов, как в следующем фрагменте из романа «Процесс»:

«*Может быть, этот малый запорол стражей насмерть – ведь они были всецело в его власти.* К. потянулся было к двери, но тут же отдернул руку». (Процесс, пер. Р. Райт-Ковалевой, с. 99)

Разговорная лексика – «малый», «запороть насмерть», модальное слово «может быть», модальная частица «ведь» переносят повествование в сферу речи персонажа. Немецкий фрагмент мы также относим к

НПР, но повествование более нейтральное, голос героя не доминирует. Ср.: «*Der Mann konnte die Wächter totgeprügelt haben, sie waren ja ganz in seine Macht gegeben.* K. hatte schon die Hand nach der Klinke ausgestreckt, zog sie dann aber wieder zurück». (Der Prozess, S. 67)

В большинстве случаев при оформлении НПР как на русском, так и на немецком языках в использовании лексических средств не обнаружены различия, эквивалентные лексические единицы используются в аналогичных функциях, их количество и качество пропорционально. Кроме того, лексические средства не всегда являются основным выделяющим средством НПР, поскольку они не выражают всего содержания, а ведущая роль все-таки принадлежит модально-временным и персональным сдвигам/смещениям.

В четвертом параграфе *«Синтаксические особенности»* мы сравнили структуры построения фрагментов и набор моделей, составляющих НПР, на синтаксическом уровне. Анализ показал, что в синтаксическом плане единицы, организующие НПР, одинаково оформлены в сопоставляемых языках.

Пятый параграф *«Доминирование способов языковой реализации несобственно-прямой речи в немецких оригиналах и их русских переводах»* посвящен комплексному сопоставлению организации НПР оригинала и перевода романа «Процесс», новелл «Превращение» и «Приговор» на русский язык и установлению доминирующих способов языковой реализации НПР.

Проанализировав материал, мы определили в каждом фрагменте на немецком и русском языках доминирующий уровень языковой системы, т. е. основной способ выражения НПР в том или ином фрагменте. В 103 случаях выражения НПР на немецком языке из 256 доминирует лексический уровень (40%), в 102 – грамматико-морфологический (40%), в 33 – синтаксический (13%), 18 – особые случаи выражения НПР (7%). Для фрагментов на русском языке характерно следующее распределение: лексический уровень представлен в 119 случаях (46%), грамматико-морфологический – в 82 (33%), синтаксический – в 36 фрагментах (14%), особых случаев – 19 (7%). Распределение количества примеров, включающих НПР, по уровням грамматической системы в немецком и русском языках различное. Так, в русском языке преобладает лексический уровень (46% фрагментов), в немецком – лексический и грамматико-морфологический уровни включают равное количество фрагментов (40% фрагментов). Это объясняется, как было отмечено ранее, типологическим и структурным несходством

языков. Следует также отметить, что процент употреблений тех или иных соответствий у разных переводчиков колеблется, так как перевод не исключает субъективности переводческого решения, переводческой индивидуальности.

В заключении предлагается окончательный анализ материала, делаются выводы по проведенному исследованию, а также намечаются перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

Анализ материала показал, что в избранных нами произведениях встречаются все маркеры НПР, исследуемый феномен является доминирующим средством идиостиля автора – НПР занимает почти пятую часть (18 %) анализируемых нами произведений, раскрывает определенный смысл его произведений. «Трудноуловимый смысл» (определение Н. С. Павловой) заключается в *полифункциональности* и *гиперинформативности* НПР, с ее помощью создается контаминация речевых планов автора и персонажа, повествователь имеет возможность варьировать в НПР степень участия голоса персонажа (структурообразующая функция), возможна передача мыслей героя, его эмоционального состояния, раскрытие внутреннего мира (смыслообразующая функция), НПР создает психологическую глубину всего произведения, кроме того, НПР представляет собой явление «ценностной интерференции» (определение М. М. Бахтина), заключающееся в одновременном пересечении двух контекстов, двух речей – речи автора и речи героя.

В дальнейшем исследовании НПР в сопоставительном аспекте было бы небезынтересно проверить правильность полученных результатов о соотношении средств манифестации НПР в русском и немецком языках на творчестве других писателей, активно использовавших НПР, например, в творчестве Ф. М. Достоевского и в его многочисленных переводах на немецкий язык.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК МО и Н РФ:

1. *Бровина, А. В.* Некоторые способы языковой реализации несобственно-прямой речи в немецком и русском языках / А. В. Бровина, Н. В. Пестова // Вестник Южно-Уральского государственного университета, серия «Лингвистика». Челябинск, 2008. – №1 (101) С. 3–6.

Статьи в сборниках научных трудов и тезисы докладов на научно-практических конференциях:

2. *Булыгина, А. В.* Литературный концепт «смешение» в творчестве Ф. Кафки / А. В. Булыгина, Н. В. Пестова // Язык. Система. Личность / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2005. – С. 199–205.
3. *Бровина, А. В.* Определение несобственно-прямой речи в отечественной и зарубежной лингвистике / А. В. Бровина // Сопоставительная лингвистика: бюллетень Института иностранных языков / Урал. гос. пед. ун-т; Ин-т иностранных языков / отв. ред. В. И. Томашпольский. – Екатеринбург, 2006. Т. 6. – С. 56–62.
4. *Бровина, А. В.* Проблема несобственно-прямой речи в историческом аспекте / А. В. Бровина // Шадринские чтения. Материалы 2-ой межрегиональной научно-практической конференции. Лингвистика / Шадринский государственный педагогический институт. – Шадринск, 2006. – С. 10–14.
5. *Бровина, А. В.* Способы манифестации несобственно-прямой речи в новелле Ф. Кафки «Приговор» / А. В. Бровина // Лингвистические чтения – 2006. – Пермь: ПСИ, 2006. – С. 106–110.
6. *Бровина, А. В.* Проблема НПР в западноевропейской лингвистике / А. В. Бровина // Интегративный проект

преподавания немецкого языка: психолого-педагогический, лингводидактический и лингвокультурологический аспекты: Сборник материалов международного заочного интерактива. – Шадринск: Изд-во «Шадринский Дом Печати», 2007. – С. 87–89.

7. *Бровина, А. В.* Способы манифестации НПР в новелле Ф. Кафки «Приговор» / А. В. Бровина // Актуальные проблемы межкультурных и межъязыковых контактов : материалы Региональной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора Л. П. Грузова. – Йошкар-Ола, 2007. – С. 81–87.

8. *Бровина, А. В.* НПР как ведущая текстовая категория авторского стиля Ф. Кафки / А. В. Бровина // Germanistische Studien : сборник научных трудов кафедры немецкой филологии / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2007. Вып. 1. – С. 5–13.

9. *Бровина А. В.* Смыслообразующая и структурообразующая функции несобственно-прямой речи (на примере произведений Ф. Кафки) / А. В. Бровина, Н. В. Пестова // Germanistische Studien: сборник научных трудов кафедры немецкой филологии / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2008. – Вып. 2. – С. 31–46.

10. *Булыгина, А. В.* Проблемы перевода несобственно-прямой речи в творчестве Ф. Кафки / А. В. Булыгина // Актуальные проблемы лингвистики: материалы XIX ежегодной научной конференции, Екатеринбург, 1 – 2 февраля 2006 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2006. – С. 29–30.

11. *Бровина, А. В.* Признаки несобственно-прямой речи / А. В. Бровина // Актуальные проблемы лингвистики: материалы XX ежегодной научной конференции, Екатеринбург, 1 – 2 февраля 2007 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2007. – С. 35–36.

12. *Бровина, А. В.* НПР как доминирующий элемент авторского стиля Ф. Кафки / А. В. Бровина // Актуальные проблемы лингвистики: материалы XXI ежегодной научной конференции, Екатеринбург, 1 – 2

февраля 2008 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2008. – С. 23–24.

Подписано в печать 12.08.2009
Формат 60×90/16. Объем 1,2 уч.-изд. л.
Тираж 100 экз. Заказ № 1326
Бумага офсетная. Отпечатано на ризографе
в типографии ООО «Вега копи Центр»
г. Шадринск, ул. Октябрьская, 87